
Исторический «Букер»

[Александр КУЗЬМЕНКОВ](#) - 01 февраля 2017

Body

Александр Кузьменков

Исторический «Букер»

«Русский Букер-2016» – во всех отношениях исторический. И не только по причине серебряного юбилея премии. Литературные обозреватели с важным видом констатировали: в оба списка вошли книги о человеке на переломах истории...

Впрочем, начать лучше с лирического отступления.

Покойный Топоров характеризовал букеровских финалистов афористически: «Это не сборная страны, а средняя температура по больнице». Что в переводе на разговорный русский значит: не самые лучшие, но самые типичные. Так что премируют в итоге не текст, но тенденцию. Что до сегодняшней тенденции, то лучше всех ее сформулировал филолог Сергей Оробий: «Романы про “здесь и сейчас” теряют в весе (во всех смыслах), романы “о прошлом” тучнеют». И подтвердил примером: «Травля» Саши Филиппенко – 224 страницы, зато «Крепость» Петра Алешковского – аж 592.

Чеховский герой уважал Толстого: «Все пишут из воображения, а он прямо с натуры». Письмо «с натуры» нынче не в почете, и это вполне закономерно. Из российских реалий много не выжмешь. В лучшем случае – очередную порцию беллетризованной публицистики: так-жить-нельзя!! не-могу-молчать!!! (см. упомянутую «Травлю»). Да и то сказать, чтобы трюизмы прозвучали с должным надрывом, требуется умение осмысливать и обобщать. С историей оно не в пример проще: все до нас обдумали, напрягаться особо не придется, – знай работай да не трусь!

Букеровский полуфиналист Ирина Богатырева сработала трилогию «Кадын» из чистого воображения: выбрала в героини пазырыкских скифов – благо, известно о них немногим больше, чем об атлантах. И.Б. ни в чем себе не отказала: девы-воительницы владеют навыками телепортации, их наставница-шаманка может при случае поменять пол, тэнгрианство мирно уживается с культом змееногой Табиты. С пятой графой у пазырыкцев жуткие непонятки: татарские имена (Илисай, Согдай, Ильдаза) соседствуют с чешскими (Стибор), горско-еврейскими (Астарай) и даже индонезийскими (Ситор). Да-а, скифы мы... Временами скифский Коминтерн с какого-то перепуга принимается разговляти по-українськи: «она песни спевает». Иногда в речи свидомых пазырыкцев слышится шотландский акцент: «старшины кланов». Что до авторессы, то затрудняюсь сказать, на каком языке та изъясняется. Но точно не по-русски – путает клеть с клеткой, а околыш с околотком: «в высокой белой шапке, щеголевато украшенной красным околотком». Прелесть, правда? Если в двух словах, то богатыревская трилогия – это «Зена, королева воинов» в изложении незабвенной Колядиной. По счастью, до шорт-листа «Кадын» не добралась.

У финалистов опыта побольше, и работают они потоньше, обращаясь не к собственной неуемной фантазии, а к культурным штампам. Сергей Морозов определил принцип

подобной словесности: «Вместо рассказа – пересказ. Собственно так и следует воспринимать большинство отечественных книг. Не романы, не повести, не рассказы, а пересказы».

Леонид Юзефович посвятил свою «Зимнюю дорогу» якутской экспедиции генерала Пепеляева – событию, не особо приметному: ну, не Второй Кубанский поход и не Перекоп. Кульминацией документального романа стала осада Сасыл-Сысы – эпизод и вовсе незначительный. Противостоянию Пепеляева и Строда следовало придать недостающий размах, пересказав первоисточники со всем возможным пафосом. Что и было сделано. «Апеллирую к мифам об осаде Трои», – заявил автор (интервью журналу «Ъ-Огонек»). А рецензентам только намекни, рады стараться: и Борхеса вспомнят, и Юнга с Лосевым... Критики писали о «Зимней дороге» туманно-эмфатически: «Рассказ о любом крупном сюжете Гражданской войны в России наилучшим образом будет реализован в мифологическом, а то и космогоническом эпосе. Со стихиями и светилами, сиренами и титанами. Близкий, в контексте маскультуры, аналог – эпопея Толкиена о Средиземье» (А. Колобродов). «Пепеляев и Строд – стоит лишь чуть-чуть сместить угол зрения – оказываются не малозначительными командирами небольших отрядов в забытом эпизоде истории, но громадными мифогенными фигурами, как Ахилл и Гектор, Тескатлипока и Кетцалькоатль, Индра и Вриру» (В. Левенталь). Ну, вы понимаете: коллективное бессознательное, архетипы... Вообще-то, я предпочитаю смотреть на текст по-опоязовски, не растекаясь мыслью по юнгианскому дереву. Но из уважения к коллегам согласен ботать по их фене. Так вот: отношение между концептом и смыслом в мифе, утверждал Барт, есть по существу отношение деформации. Проще говоря, миф есть изнасилованный и вывернутый наизнанку факт. Если ощипать с осады Сасыл-Сысы архетипически-космогоническую шелуху, от шлемоблещущих и меднодоспешных героев ничего не останется. Типичный бой местного значения: 280 штыков у Строда, 590 – у Пепеляева и Вишневого. А что осаждали пепеляевцы? – смех сказать. «Наша “крепость” состояла из одной юрты с пристроенным к ней хотоном <помещением для скота – А.К.>. Все пространство “крепости” 100 шагов в длину, тридцать в ширину», – вспоминал позже Строд. Ага, та еще крепостенная Троя, помноженная на две твердыни. Избыток метафизики, заметил о. Петр Мещеринов, возникает от недостатка физики. Тот же самый дефицит фактуры вынудил Л.Ю. заняться откровенным словоблудием ради договорного объема в 15 авторских листов. Помните ирландское рагу по рецепту Джерома К. Джерома? – у Юзефовича в котел точно так же летело все, что было под рукой: вплоть до смерти Мандельштама на дальстроевской пересылке, до допросов неизвестного полковника-танкиста в военной прокуратуре СибВО. Такая вот, с позволения сказать, документалистика – точнее, чучело оной, набитое словесными опилками.

Из того же самого материала сделана трилогия Сухбата Афлатуни (в миру Евгения Абдуллаева) «Поклонение волхвов»: культурные клише плюс словесные опилки. Автор разом возлюбил мысль народную и мысль семейную, но *ménage à trois* откровенно не задался. Эпическая семейная сага (с 1849-го по 1973-й!) обернулась броуновской сутолокой статистов: петрашевцы и внебрачные дети Романовых, вымышленная секта рождественников и дервиши, ташкентская богема Серебряного века и астральные двойники, великие князья и партийные секретари, узбеки и японцы, – и большинство линий закономерно обрывается на полуслове. Ну, право, невозможно же привести эту сюжетную чересполосицу к одному знаменателю. Исторический реквизит, знамо, присутствует – но: а) большей частью для приличия; б) состоит сплошь из аллюзий на классику. Маскарад с литературной кадрилию родом из «Бесов», император Николай I Павлович – точь-в-точь из «Малолетнего Витушишникова», стиль заимствован частью у Тынянова, частью у раннего Достоевского... В общем, очередной пересказ, письмо «из воображения», навеянного мэтрами. Без посторонней помощи Афлатуни моментально теряется. Ему ничего не стоит приделать затвор к солдатскому капсюльному ружью образца 1845 года и вложить в уста персонажей современные идиолекты: «замутить», «хохма» и т.д. Впрочем, С.А. загодя подстелил соломки и объявил свою трилогию

пародией: «Вполне сознательная есть пародия. Скрытая. Первая книга – на исторический роман. Вторая – на детективный. Третья – на фантастический» (интервью интернет-журналу «Литература»). Если это и пародии, то в манере Петросяна – до безобразия затянутые (одна лишь первая часть – почти 52 000 слов) и удручающе не смешные. В особенности фантастическая: в космическом Городе с желтым куполом обитает чудом спасшийся цесаревич Алексей, и ему является Ленин в виде стоптанных ботинок. Что в «Поклонении волхвов» в самом деле пародийно – так это совершенно дикий язык: «хозяин бородеет над столом», «вкупоривая ногу в сапог», «тополиный блуд осыпал их»... Рецензенты были в предсказуемом восторге, читатели – наоборот. «Прочел “Поклонение волхвов” Сухбата Афлатуни. Вот, собственно, и все, что могу сказать по поводу прочитанного», – лаконично высказался блогер synthesizer.

С вашего разрешения – еще одно лирическое отступление. Лонг «Русского Букера», состоящий из 24 романов, был опубликован 13 июля. Шорт из шести романов – 5 октября. Два с половиной месяца на чтение 24 книг, в среднем по три дня на 500-600-страничный текст – по-вашему, много это или мало? Тут волей-неволей будешь ориентироваться на знакомые имена. Юзефович? – знаем: сыщик Путилин, два «Нацбеста» и «Большая книга». Афлатуни? – и его знаем: «Русская премия», «Триумф», член редсовета «Дружбы народов». Алешковский? – и этого знаем: болезненный аж в четвертый раз за «Букером» явился... Вот вам и вся литературная меритократия.

Состав букеровского жюри ежегодно обновляется, но неизменна традиция назначать лауреатом если не самого тошнотворного, то скучнейшего из финалистов. И в этом году «Русский Букер» остался верен себе: рубли и лавры достались Петру Алешковскому за «Крепость».

«Крепость» – по всем статьям русский роман: нравоучительный и чинный, отменно длинный, длинный, длинный... С духовными исканиями и праведником, без которого не стоит село. С нежно-розовыми восходами, косыми закатными тенями (слава Богу, хоть не лучами) и серебряной луной. С кр-ровавыми сечами и неистойвой скачкой на взмыленном аргамаке... Строго говоря, под обложкой «Крепости» собраны три книжки: про честного археолога, про закат чингизидов, про деградацию деревни, – и ни один не доведен до логического конца. Не в пример больше сочинителя занимала демонстрация собственного красноречия: всякое существительное изнемогает в веригах эпитетов, – и каких! Свежесть в обязательном порядке «морозная», глаза у героини «глубокие» и не менее свежо уподоблены маслинам... Языковые штампы – далеко не единственные в авторском арсенале. Алешковский не менее охотно монтирует текст из банальностей. Первая часть «Крепости», как и было сказано, – о честном археологе Мальцове (чистые руки, горячее сердце!), который не может поступиться принципами. Вполне по Стругацким: «Вопреки бюрократам вроде Чинушина и консерваторам вроде Твердолобова». Чинушины и твердолобовы чинят бессребренику препоны – норовят устроить в древнерусской крепости туристический комплекс. Красавица жена, вся из себя плодово-овощная, – с глазами-маслинами и грудями-гранатами, – предсказуемо уходит к одному из супостатов. Другой супостат (в прошлом – комсомольский функционер, что тоже предсказуемо) увольняет Мальцова. Отверженный правдолюбец уезжает в деревню, царство тотальной нищеты и повального пьянства (привет Сенчину). В мерзости запустения уцелела образцово-показательная русская крестьянка тетя Лена (поклон Солженицыну). Время от времени Мальцов, хлебнув непонятной травяной настойки, во сне преобразуется в нукера Туган-Шону, потомка чингизида Толуя. Приемом пользовались все, кому не лень, – от Кортасара («Ночью на спине лицом кверху») до Садулаева («Таблетка»). На тусклом фоне центона вполне отчетлив product placement: «Пропустил рюмочку “Белуги”... Водка была отменная», «после “Белуги” не бывало похмелья». Простите, не понял: у нас тут беллетристика или сайт vodka-beluga.com?..

Напоследок – суть важный вопрос: чем, собственно, великолепная букеровская шестерка

отличается от среднестатистических литераторов? Да ничем, в сущности. Как сказал букероносец Гуцко, павлины – те же куры, только в маскарадных костюмах. А история, дело известное, никого ничему не учит. И юбилейный «Букер» – живое тому подтверждение.

«Русский Букер-2016» – во всех отношениях исторический. И не только по причине серебряного юбилея премии. Литературные обозреватели с важным видом констатировали: в оба списка вошли книги о человеке на переломах истории...

Впрочем, начать лучше с лирического отступления.

Покойный Топоров характеризовал букеровских финалистов афористически: «Это не сборная страны, а средняя температура по больнице». Что в переводе на разговорный русский значит: не самые лучшие, но самые типичные. Так что премируют в итоге не текст, но тенденцию. Что до сегодняшней тенденции, то лучше всех ее сформулировал филолог Сергей Оробий: «Романы про “здесь и сейчас” теряют в весе (во всех смыслах), романы “о прошлом” тучнеют». И подтвердил примером: «Травля» Саши Филиппенко – 224 страницы, зато «Крепость» Петра Алешковского – аж 592.

Чеховский герой уважал Толстого: «Все пишут из воображения, а он прямо с натуры». Письмо «с натуры» нынче не в почете, и это вполне закономерно. Из российских реалий много не выжмешь. В лучшем случае – очередную порцию беллетризованной публицистики: так-жить-нельзя!! не-могу-молчать!!! (см. упомянутую «Травлю»). Да и то сказать, чтобы трюизмы прозвучали с должным надрывом, требуется умение осмысливать и обобщать. С историей оно не в пример проще: все до нас обдумали, напрягаться особо не придется, – знай работай да не трусь!

Букеровский полуфиналист Ирина Богатырева сработала трилогию «Кадын» из чистого воображения: выбрала в героини пазырыкских скифов – благо, известно о них немногим больше, чем об атлантах. И.Б. ни в чем себе не отказала: девы-воительницы владеют навыками телепортации, их наставница-шаманка может при случае поменять пол, тенгрианство мирно уживается с культом змееногой Табити. С пятой графой у пазырыкцев жуткие непонятки: татарские имена (Илисай, Согдай, Ильдаза) соседствуют с чешскими (Стибор), горско-еврейскими (Астарай) и даже индонезийскими (Ситор). Да-а, скифы мы... Временами скифский Коминтерн с какого-то перепуга принимается разговлять по-українськи: «она песни поет». Иногда в речи свидомых пазырыкцев слышится шотландский акцент: «старшины кланов». Что до авторессы, то затрудняюсь сказать, на каком языке та изъясняется. Но точно не по-русски – путает клеть с клеткой, а околыш с околотком: «в высокой белой шапке, щеголевато украшенной красным околотком». Прелесть, правда? Если в двух словах, то богатыревская трилогия – это «Зена, королева воинов» в изложении незабвенной Колядиной. По счастью, до шорт-листа «Кадын» не добралась.

У финалистов опыта побольше, и работают они потоньше, обращаясь не к собственной неуемной фантазии, а к культурным штампам. Сергей Морозов определил принцип подобной словесности: «Вместо рассказа – пересказ. Собственно так и следует воспринимать большинство отечественных книг. Не романы, не повести, не рассказы, а пересказы».

Леонид Юзефович посвятил свою «Зимнюю дорогу» якутской экспедиции генерала Пепеляева – событию, не особо приметному: ну, не Второй Кубанский поход и не Перекоп. Кульминацией документального романа стала осада Сасыл-Сысы – эпизод и вовсе незначительный. Противостоянию Пепеляева и Строда следовало придать недостающий размах, пересказав первоисточники со всем возможным пафосом. Что и было сделано. «Апеллирую к мифам об осаде Трои», – заявил автор (интервью журналу «Ъ-Огонек»). А рецензентам только намекни, рады стараться: и Борхеса вспомнят, и Юнга с Лосевым... Критики писали о «Зимней дороге» туманно-эмфатически: «Рассказ о любом крупном сюжете Гражданской войны в России наилучшим образом будет реализован в мифологическом, а то и космогоническом эпосе. Со стихиями и светилами, сиренами и титанами. Близкий, в контексте масскультуры, аналог – эпопея Толкиена о Средиземье» (А. Колобродов). «Пепеляев и Строд – стоит лишь чуть-чуть сместить угол зрения – оказываются не малозначительными командирами небольших отрядов в забытом эпизоде истории, но громадными мифогенными фигурами, как Ахилл и Гектор, Тескатлипока и Кетцалькоатль, Индра и Вриру» (В. Левенталь). Ну, вы понимаете: коллективное бессознательное, архетипы... Вообще-то, я предпочитаю смотреть на текст по-опоязовски, не растекаясь мыслью по юнгианскому дереву. Но из уважения к коллегам согласен ботать по их фене. Так вот: отношение между концептом и смыслом в мифе, утверждал Барт, есть по существу отношение деформации. Проще говоря, миф есть изнасилованный и вывернутый наизнанку факт. Если оципать с осады Сасыл-Сысы архетипически-космогоническую шелуху, от шлемоблещущих и меднодоспешных героев ничего не останется. Типичный бой местного значения: 280 штыков у Строда, 590 – у Пепеляева и Вишневого. А что осаждали пепеляевцы? – смех сказать. «Наша “крепость” состояла из одной юрты с пристроенным к ней хотоном <помещением для скота – А.К.>. Все пространство “крепости” 100 шагов в длину, тридцать в ширину», – вспоминал позже Строд. Ага, та еще крепостенная Троя, помноженная на две твердыни. Избыток метафизики, заметил о. Петр Мещеринов, возникает от недостатка физики. Тот же самый дефицит фактуры вынудил Л.Ю. заняться откровенным словоблудием ради договорного объема в 15 авторских листов. Помните ирландское рагу по рецепту Джерома К. Джерома? – у Юзефовича в котел точно так же летело все, что было под рукой: вплоть до смерти Мандельштама на дальстроевской пересылке, до допросов неизвестного полковника-танкиста в военной прокуратуре СибВО. Такая вот, с позволения сказать, документалистика – точнее, чучело оной, набитое словесными опилками.

Из того же самого материала сделана трилогия Сухбата Афлатуни (в миру Евгения Абдуллаева) «Поклонение волхвов»: культурные клише плюс словесные опилки. Автор разом возлюбил мысль народную и мысль семейную, но *ménage à trois* откровенно не задался. Эпическая семейная сага (с 1849-го по 1973-й!) обернулась броуновской сутолокой статистов: петрашевцы и внебрачные дети Романовых, вымышленная секта рождественников и дервиши, ташкентская богема Серебряного века и астральные двойники, великие князья и партийные секретари, узбеки и японцы, – и большинство линий закономерно обрывается на полуслове. Ну, право, невозможно же привести эту сюжетную чересполосицу к одному знаменателю. Исторический реквизит, знамо, присутствует – но: а) большей частью для приличия; б) состоит сплошь из аллюзий на классику. Маскарад с литературной кадрилию родом из «Бесов», император Николай I Павлович – точь-в-точь из «Малолетнего Витушишникова», стиль заимствован частью у Тынянова, частью у раннего Достоевского... В общем, очередной пересказ, письмо «из воображения», навеянного мэтрами. Без посторонней помощи Афлатуни моментально теряется. Ему ничего не стоит приделать затвор к солдатскому капсюльному ружью образца 1845 года и вложить в уста персонажей современные идиолекты: «замутить», «хохма» и т.д. Впрочем, С.А. загодя подстелил соломки и объявил свою трилогию

пародией: «Вполне сознательная есть пародия. Скрытая. Первая книга – на исторический роман. Вторая – на детективный. Третья – на фантастический» (интервью интернет-журналу «Литература»). Если это и пародии, то в манере Петросяна – до безобразия затянутые (одна лишь первая часть – почти 52 000 слов) и удручающе не смешные. В особенности фантастическая: в космическом Городе с желтым куполом обитает чудом спасшийся цесаревич Алексей, и ему является Ленин в виде стоптанных ботинок. Что в «Поклонении волхвов» в самом деле пародийно – так это совершенно дикий язык: «хозяин бородеет над столом», «вкупоривая ногу в сапог», «тополиный блуд осыпал их»... Рецензенты были в предсказуемом восторге, читатели – наоборот. «Прочел “Поклонение волхвов” Сухбата Афлатуни. Вот, собственно, и все, что могу сказать по поводу прочитанного», – лаконично высказался блогер synthesizer.

С вашего разрешения – еще одно лирическое отступление. Лонг «Русского Букера», состоящий из 24 романов, был опубликован 13 июля. Шорт из шести романов – 5 октября. Два с половиной месяца на чтение 24 книг, в среднем по три дня на 500-600-страничный текст – по-вашему, много это или мало? Тут волей-неволей будешь ориентироваться на знакомые имена. Юзефович? – знаем: сыщик Путилин, два «Нацбеста» и «Большая книга». Афлатуни? – и его знаем: «Русская премия», «Триумф», член редсовета «Дружбы народов». Алешковский? – и этого знаем: болезный аж в четвертый раз за «Букером» явился... Вот вам и вся литературная меритократия.

Состав букеровского жюри ежегодно обновляется, но неизменна традиция назначать лауреатом если не самого тошнотворного, то скучнейшего из финалистов. И в этом году «Русский Букер» остался верен себе: рубли и лавры достались Петру Алешковскому за «Крепость».

«Крепость» – по всем статьям русский роман: нравоучительный и чинный, отменно длинный, длинный, длинный... С духовными исканиями и праведником, без которого не стоит село. С нежно-розовыми восходами, косыми закатными тенями (слава Богу, хоть не лучами) и серебряной луной. С кр-ровавыми сечами и неистойвой скачкой на взмыленном аргамаке... Строго говоря, под обложкой «Крепости» собраны три книжки: про честного археолога, про закат чингизидов, про деградацию деревни, – и ни один не доведен до логического конца. Не в пример больше сочинителя занимала демонстрация собственного красноречия: всякое существительное изнемогает в веригах эпитетов, – и каких! Свежесть в обязательном порядке «морозная», глаза у героини «глубокие» и не менее свежо уподоблены маслинам... Языковые штампы – далеко не единственные в авторском арсенале. Алешковский не менее охотно монтирует текст из банальностей. Первая часть «Крепости», как и было сказано, – о честном археологе Мальцове (чистые руки, горячее сердце!), который не может поступиться принципами. Вполне по Стругацким: «Вопреки бюрократам вроде Чинушина и консерваторам вроде Твердолобова». Чинушины и твердолобовы чинят бессребренику препоны – норовят устроить в древнерусской крепости туристический комплекс. Красавица жена, вся из себя плодово-овощная, – с глазами-маслинами и грудями-гранатами, – предсказуемо уходит к одному из супостатов. Другой супостат (в прошлом – комсомольский функционер, что тоже предсказуемо) увольняет Мальцова. Отверженный правдолюбец уезжает в деревню, царство тотальной нищеты и повального пьянства (привет Сенчину). В мерзости запустения уцелела образцово-показательная русская крестьянка тетя Лена (поклон Солженицыну). Время от времени Мальцов, хлебнув непонятной травяной настойки, во сне преобразуется в нукера Туган-Шону, потомка чингизида Толуя. Приемом пользовались все, кому не лень, – от Кортасара («Ночью на спине лицом кверху») до Садулаева («Таблетка»). На тусклом фоне центона вполне отчетлив product placement: «Пропустил рюмочку “Белуги”... Водка была

отменная», «после “Белуги” не бывало похмелья». Простите, не понял: у нас тут беллетристика или сайт vodka-beluga.com?..

Напоследок – суть важный вопрос: чем, собственно, великолепная букеровская шестерка отличается от среднестатистических литераторов? Да ничем, в сущности. Как сказал букероносец Гуцко, павлины – те же куры, только в маскарадных костюмах. А история, дело известное, никого ничему не учит. И юбилейный «Букер» – живое тому подтверждение.

[Александр КУЗЬМЕНКОВ](#) - 01 февраля 2017

<http://webkamerton.ru//2017/02/istoricheskij-buker>